

ЖИВОЙ ДОМ

Елена Неделько

18+

Елена Неделько

Живой дом

«Автор»

2026

Неделько Е.

Живой дом / Е. Неделько — «Автор», 2026

Москва. ЖК. Два стеклянных небоскреба пронзают небо. Но когда из-за снежной бури отключается интернет и электричество, идеальная жизнь превращается в кошмар. Илья думал, что худшее, с чем можно столкнуться на сороковом этаже — это пьяные соседи и сбой системы отопления. Он ошибался. Дом просыпается. Здание осознает себя как единый живой организм, для которого четыре сотни жильцов — лишь колония бактерий, вырабатывающая тепло. Стены начинают дышать, лифтовые шахты превращаются в пищеводы, а лица соседей застывают в одинаковых улыбках. Чтобы спасти жену и выбраться из этого бетонного саркофага, Илье придется пройти через невозможное: отрезать собственную руку, вырвать глаз и спуститься к самому ядру здания, где бьется механическое сердце дома. Но то, что он там найдет, навсегда изменит реальность.

© Неделько Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	18
Глава 6	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Елена Неделько

Живой дом

Глава 1

Снег лег на Москву не пушистой сказкой, а мокрой бетонной плитой. К вечеру четверга ЖК «Симфония» — два стеклянных небоскреба по сорок этажей — оказался отрезан от города пятнадцатисантиметровой слякотью, которая к ночи схватилась льдом.

Илья сидел на кухонном острове и смотрел, как гаснет мир.

Сначала исчез свет в окнах напротив. Огромный жилой массив просто моргнул и провалился во тьму, оставив после себя лишь бледное зарево над ТЭЦ. Илья фыркнул: бывает. Новые дома жрут электричество, как промышленные печи. Он разблокировал телефон, чтобы написать в общедомовой чат дежурную шутку про конец света, но палец замер над экраном.

Индикатор Wi-Fi внизу экрана погас.

Странно. Роутер стоял прямо за спиной, его зеленый глаз все так же самодовольно сиял в темноте кухни. Илья открыл настройки. Телефон честно пытался найти сеть «Symfoniya_5G», но список доступных подключений был девственно пуст.

— Сбой, — вслух сказал Илья, хотя в квартире было тихо до звона в ушах.

Он перешел на мобильный интернет. Палец привычно ткнул в значок Telegram. Колесико загрузки крутанулось раз, другой, а потом застыло. Ни одной палочки связи. Оператор гордо показывал полное отсутствие сигнала там, где еще вчера он ловил даже в грузовом лифте.

Тишина квартиры вдруг обрела плотность. Исчез привычный фоновый гул холодильника — компрессор умолк вместе со светом. Пропало едва заметное вибрирующее гудение вентиляции в потолке. Дом «Симфония» перестал дышать.

Илья встал. Стекла столешница под ладонями была ледяной. Он подошел к панорамному окну во всю стену. За стеклом бушевала белая мгла. Внизу, у основания башни, должна быть круглосуточная кофейня и остановка электробусов. Сейчас там шевелилось что-то темное — люди вываливались из подъездов на мороз, подсвечивая себе путь экранами телефонов. Десятки синих прямоугольников дергались внизу, как испуганные светлячки.

Его собственная мобила пискнула один раз — короткий, сухой звук севшего аккумулятора, хотя час назад батарея была заряжена на восемьдесят процентов. Процент упал до нуля за секунду. Экран мигнул и стал черным куском стекла.

Илья попробовал включить его снова. Бесполезно.

Входная дверь стукнула глухо, без обычного электронного чавканья замка-доводчика. В кухню вошла Лера, его жена. На ней была пижама с пингвинами и тяжелый шерстяной плед.

— У нас война началась? — спросила она, щурясь. — Или я забыла заплатить за свет?

— Хуже, — Илья кивнул на свои бесполезные гаджеты, лежащие на столе. — Мы оглохли. И ослепли. Полная изоляция.

Лера подошла к окну.

— Весь комплекс стоит. Я видела тетю Зину с двадцать седьмого, она пыталась вызвать такси. У нее тоже ничего не работает.

Они спустились на парковку через технический этаж. Грузовой лифт содрогнулся, прополз два метра вниз и намертво встал между -2 и -3 уровнями. Пришлось идти пешком по неосвещенной лестнице, держась за влажные перила. Воздух становился все более спертым.

На минус первом уровне их встретили соседи. Около сорока человек стояли посреди парковки с включенными фонариками. Никто не кричал. Паника в замкнутом пространстве звучит иначе — это тяжелое, синхронное дыхание толпы.

— Кто-нибудь смог дозвониться до аварийных служб? — спросил сосед сверху, бывший военный Виктор. Его мощный тактический фонарь бил желтым конусом в потолок.

Мужчина с красным лицом отчаянно тряс старенькую кнопочную трубку.

— Двадцать раз! Гудков нет! Вообще тишина, будто шнур обрезали!

— У меня спутниковая тарелка на балконе, — крикнула женщина в леопардовом халате. — Там замок канала! Спутники исчезли! Небо чистое, а тарелки слепые!

Илья отошел к колонне. Ему нужно было вдохнуть воздуха, который не пах чужим перегаром и холодным потом. Он достал из кармана ключи от машины. Центральный замок должен был открыться от одного нажатия. Машина стояла в десяти метрах — большой черный кроссовер.

Кнопка щелкнула. Ничего.

Илья нажал снова. Подошел ближе. Еще раз.

Электроника автомобиля молчала. Но когда он положил руку на ручку двери, произошло нечто неправильное.

Машина вздрогнула. Не включила фары, не бибикнула. Она именно вздрогнула, как живая лошадь, которую хлопнули по крупу. Металл издал низкий, утробный звук, похожий на вздох спящего великана.

Илья отдернул руку. Соседи замолчали, повернув головы в его сторону.

Виктор шагнул вперед, направив луч своего фонаря на машину Ильи.

— Что это было?

— Она... выдохнула, — глупо ответил Илья.

Луч фонаря скользнул дальше, освещая ряды автомобилей. И тут толпа издала единый, сдавленный вздох.

Машины в паркинге больше не были мертвым металлом. Они ритмично, в абсолютной тишине пульсировали. Капоты то чуть приподнимались, то опускались. Багажники мерно ходили вверх-вниз. Ровно, синхронно, словно четыреста двигателей внутреннего сгорания пытались сделать вдох одновременно, но им не хватало воздуха.

Парковка дышала.

Свет тактического фонарика Виктора дрогнул и метнулся в сторону выезда — крутого пандуса, уходящего вверх, к спасительной улице.

— Туда, — хрипло сказал Виктор. — По земле выберемся.

Толпа качнулась к пандусу. Илья шел одним из первых. Лера цеплялась за его рукав. Ноги скользили по льду, которым покрылись бетонные плиты. До свободы оставалось тридцать метров подъема.

Посреди рампы рос сугроб. Обычный городской грязный сугроб, нанесенный ветром через вентиляционную шахту. Когда первые жилыцы ступили на него, снег не хрустнул. Он промялся мягко, как поролон.

Виктор посветил вниз.

Из-под белого наста на них смотрели глаза. Не звериные — человеческие, широко распахнутые, полные синеватого льда. Сугроб состоял из человеческих рук, ног и затылков. Люди, которые спускались сюда десять минут назад, замерзли мгновенно, сплавившись друг с другом в единую ледяную массу, перегородившую единственный выход.

Кто-то сзади истерически вскрикнул. Началась давка. Соседи ломились обратно в темноту паркинга, топча упавших.

Илья потянул Леру за собой, прочь от этого кошмара, обратно вглубь уровней. Под ногами пульсировал теплый металл машин.

Наверху, сквозь толщу бетона и перекрытий, они слышали новый звук. Это не был вой сирены или треск лопающегося стекла.

Дом пел. Низкий, резонирующий бас пробивал фундамент. Каждая жилая ячейка, каждый запертый жилец, каждая мертвая машина теперь работали диафрагмой. Сорок этажей стекла и арматуры втягивали ночной воздух, чтобы исторгнуть этот первобытный звук — звук огромного желудка, требующего свою пищу.

Связи не будет. Город остался где-то снаружи, за белой стеной. А здесь, внутри «Симфонии», у дома впервые за пять лет появилась идеальная сотовая связь. Просто вышкой теперь служило само здание, и оно принимало только входящие сигналы отчаяния.

Глава 2

Они бежали, пока легкие не начали гореть, а ноги не отказались держать вес тела. Остановились только на своем, двенадцатом уровне. Здесь пахло озоном и жженой пылью — запах сломанного электрощита. Лера сползла по стене, подтянув колени к груди. Ее пижама с пингвинами потемнела от влаги на подмышках.

— Мы в ловушке, — прошептала она. — Илья, мы же здесь умрем. Нас четыре сотни человек. Еды нет, воды...

— Вода есть, — оборвал ее Илья. Он тяжело дышал, упираясь руками в колени. — В трубах. Если дом перекроет вентили, мы выпьем конденсат со стекол за три дня.

Он заставил себя выпрямиться. Паника заразна, но паника в темноте перед лицом невидимого хищника — это просто способ добровольно сунуть голову в пасть.

Илья подошел к лифтовому холлу. Главная посадочная площадка была погружена во мрак, но аварийное освещение внизу, у шахты, еще работало от резервных блоков. Тусклые рыжие лампы заливали пространство мертвенным светом.

Лифтовая дверь была приоткрыта ровно на десять сантиметров. Ровно настолько, чтобы между створками можно было просунуть ладонь. Или лезвие.

Из щели тянуло сквозняком. Но воздух шел не сверху, с улицы, и не снизу из паркинга. Он двигался горизонтально, пульсируя в такт тому самому басу, который они слышали внизу. Дом втягивал и выдыхал через вентиляционные шахты лифтов.

— Не трогай, — выдохнула Лера за его спиной.

— Я должен понять правила игры, — ответил Илья.

Он толкнул тяжелую стальную створку. Она пошла удивительно легко, без скрипа, словно петли смазывали сегодня утром. За дверью не было кабины. Там была пустота. Абсолютная, бархатная чернота, которая поглощала свет аварийной лампы. Илья вытянул руку вперед. Пальцы встретили сопротивление не на первом метре, и даже не на втором. Воздух был плотным, вязким, как вода в болоте, и теплым — около сорока градусов.

В нос ударил густой, мясной запах. Так пахнет в цехах разделки или в зоопарке рядом с вольером крупного хищника после кормежки. Запретный, животный запах внутри стерильного небоскреба бизнес-класса.

— Закрой, — голос Леры сел до сипа. — Просто закрой эту чертову дверь.

Илья дернул створку на себя. Металл лязгнул, отрезая темноту. Но когда он обернулся к жене, то увидел, что смотрит не на нее.

Лера стояла в трех метрах от него, освещенная рыжим светом. А вот женщина, стоявшая вплотную к Илье, лишь повторяла ее контуры. У нее были такие же волосы, такая же куртка, наброшенная поверх пижамы. Но кожа на ее лице имела сероватый, восковой оттенок, какой бывает у людей с тяжелейшей гипотермией. И глаза. Зрачки Леры сейчас расширились от ужаса — это Илья видел боковым зрением. Глаза же копии были сужены в две неподвижные черные точки, как у кошки, смотрящей в инфракрасный прицел.

Копия открыла рот. Губы треснули, как пересохшая земля.

— С-с-соединение... установлено, — выдавила она голосом диспетчера из лифта.

Она сделала шаг к Илье. На дешевом линолеумном покрытии коридора после ее шага осталась влажная, дымящаяся влага.

Илья шарахнулся назад, врезавшись спиной в настоящую Леру. Та вскрикнула. Копия тут же повернула голову на звук. Механически, всем корпусом, как сова.

— Оно реагирует на вибрацию голосовых связок, — быстро зашептал Илья ей на ухо. — Молчи. Медленно иди вдоль стены к пожарной лестнице.

Они пятились. Коридор жилого этажа казался бесконечным. По обеим сторонам тянулись ряды одинаковых дверей: сто двадцать вторая, сто двадцать четвертая... Копия двинулась за ними. Она больше не пыталась имитировать человеческую походку. Ноги сгибались в коленях назад, как у кузнечика, позволяя существу скользить над полом бесшумно.

Когда они миновали дверь квартиры соседей справа — семьи Соколовых с двумя детьми, — та беззвучно отъехала в стену. Из темноты гостиной выдвинулась вторая фигура. Ростом ниже первой, детские пропорции. Она принялась, водя головой из стороны в сторону, и издала тихий щелкающий звук языком.

Дом начал заселять свои этажи.

Существа выходили из теней за пожарными гидрантами, вываливались из открытых дверей

квартир, стекали по панорамным окнам снаружи, прилепляясь к стеклу, как огромные бледные пауки. Их тела состояли из уплотненного воздуха, статики и чего-то органического, что проступало сквозь их полупрозрачные спины мокрыми пятнами.

— Бегом! — крикнул Илья, нарушая собственное правило тишины.

Страх дал им крылья. Они сорвались с места, бросившись к повороту на лестничную клетку. Позади раздался хор голосов — все тот же синтезированный женский тембр:

— Соединение установлено. Соединение установлено. Вы входите в зону уверенного приема.

Поворот спас им жизнь. Прямой коридор остался позади, и существа на секунду потеряли их из виду. Илья впечатал ладонь в считыватель замка пожарной лестницы. Красная лампочка издевательски мигнула и погасла. Электромагнитный замок обесточен.

— Сюда! — Лера рванула ручку технического шкафа для уборщиц. Тот оказался незапертым.

Они ввалились внутрь, пропахшего хлоркой и резиной, задвинули за собой хлипкую фанерную дверь и прижались к ней изнутри.

Снаружи затопали. Это уже не был крадущийся шаг насекомых. Дом принял форму. Теперь по коридору несло что-то массивное, сотрясающее перекрытия.

Сквозь щель в фанере Илья смотрел в коридор. Мимо прокатилась «нога». Другого слова он подобрать не мог. Огромный столб уплотненной плоти, состоящий из сплетенных кабелей, арматуры и человеческой одежды, пронесся мимо. Внутри этого столба медленно вращалось офисное кресло, придавленное к самой кости.

Дом собирал себя из того, чем владел. Он переваривал инфраструктуру и теперь наращивал мышечную массу.

Шаги стихли где-то в районе лифтовых шахт. Наступила звенящая тишина.

— Что им нужно? — одними губами спросила Лера. Слезы прочертили две светлые дорожки на ее пыльных щеках.

— Связь, — так же беззвучно ответил Илья. — Подумай. Когда вырубился Wi-Fi? Когда упала мобилка? В момент максимального стресса. Когда мы испугались отключения света. Страх — это выброс энергии. Адреналин, глюкоза, электрические импульсы мозга. Для них это роуминг высшего качества.

— Тогда нам нельзя бояться?

— Бесполезно. Мы сидим в бетонной коробке на сороковом этаже. Страх прописан в нашей биологии. Мы — еда, которая сама вырабатывает соус для себя.

Илья осторожно отпустил дверь шкафа. Руки дрожали. Он посмотрел на свою ладонь и похолодел.

На тыльной стороне кисти, прямо под кожей, шевелилось что-то маленькое. Словно червь прогрыз канал от запястья к пальцам. Кожа натянулась, побелела, и вдруг прорвалась. Из

микроразрыва не пошла кровь. Вместо нее наружу полез тонкий, как леска, оптоволоконный кабель. Он высунулся на сантиметр, затрепетал, сканируя воздух, и скрылся обратно под кожу, оставив после себя лишь крошечную запекшуюся точку.

— Лера, — голос Ильи дрогнул. — Посмотри на мои руки.

— Нет, — она замотала головой, отползая вглубь шкафчика. — Только не говори мне, что мы заражены. Господи, пожалуйста, я просто хочу домой...

— Мы и есть дома, — глухо сказал Илья. — Посмотри на свое предплечье.

Под тонкой тканью пижамного рукава проступал сетчатый узор. Сосуды меняли свою анатомию, выстраиваясь в идеальные прямые углы топологии «звезда». Дом подключался к ним напрямую. Они спустились в паркинг проверить выход, но настоящий спуск произошел в их собственные нервные системы.

Боль пришла внезапно. Резкая, ослепляющая вспышка в затылке. Перед глазами Ильи полыхнуло синим. Интерфейс загрузки операционной системы Windows 98. Затем помехи, белый шум.

А потом — сообщение, вспыхнувшее прямо на его сетчатке, видимое даже с закрытыми глазами:

[ОШИБКА СВЯЗИ]

[ПОТЕРЯН ПАКЕТ ДАННЫХ: ВОСПОМИНАНИЕ_ОТДЫХ_ТУРЦИЯ_2019]

[НАЧАТО СКАНИРОВАНИЕ ЖЕСТКОГО ДИСКА "ИЛЬЯ"]...

[ЦЕЛЬ: ПОИСК ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ПИКА ДЛЯ СИНХРОНИЗАЦИИ]

Дом лез ему в череп. Он перебирал файлы памяти, ища самый яркий ужас, самую глубокую радость или самое острое горе, чтобы использовать этот эмоциональный отклик как несущую частоту.

Илья сжал зубы, пытаясь сдержать крик, но Лера услышала его сдавленный хрип. Она схватила его лицо ледяными ладонями.

— Смотри на меня! — закричала она. — Не смей отключаться! Борись!

Ее крик сработал как дефибриллятор. Боль отступила, интерфейс моргнул и свернулся. Сообщение исчезло.

Илья открыл глаза. Он сидел на полу шкафа для швабр, сжимая в руках пластиковое ведро. Рядом навзрыд плакала жена.

Но плакала она странно. Между всхлипами она четко, метрономом, произносила цифры:

— Двадцать два... восемнадцать... пять... ноль... семь...

IP-адреса. Старые IPv4 адреса, которые никто не использовал годами.

Лера подняла на него взгляд. Ее зрачки снова стали нормальными, человеческими, но белки глаз прорезала тонкая красная сетка лопнувших сосудов.

— Шлюз настроен, — сказала она чужим, синтезированным голосом, который они слышали в коридоре. — Протокол передачи активирован. Начинаю репликацию узла.

Ее тело выгнулось дугой, запрокинувшись назад под невозможным углом. Хрустнули позвонки.

Илья понял главное правило этой ночи. Дело было не в том, чтобы не бояться. Дело было в том, чтобы остаться единственным пользователем собственного разума.

Он схватил валявшийся в углу шкафа молоток для проверки пожарных гидрантов. Холодная сталь идеально легла в ладонь.

Потому что если единственный способ разорвать соединение — это физическое уничтожение порта, значит, пришло время форматирования жесткого диска.

Глава 3

Удар пришелся вскользь. Илья метил в висок, но Лера — или то, что носило ее лицо как маску — рефлекторно дернулась навстречу удару. Молоток с влажным хрустом опустился на ключицу. Звук был такой, словно сломали сухую ветку внутри мокрого ковра.

Лера не упала. Она просто обмякла, сложившись пополам, и повисла на его руке мертвым грузом. Из рта у нее хлынула темная жижа, пахнувшая озоном и медной окалиной. Тело содрогнулось в последний раз, пальцы скребнули по линолеуму шкафа и замерли.

Илья стоял над ней, тяжело дыша. Воздух в каморке мгновенно стал густым, липким от пыли. Он ждал сирены. Ждал синего интерфейса перед глазами. Ждал, что бетонные стены сомкнутся, раздавливая его за порчу имущества.

Тишина. Только глухой, утробный гул «Симфонии», который теперь ощущался не ушами, а пломбами в зубах.

— Пакет потерян, — прошептал Илья пересохшими губами. — Соединение разорвано.

Он заставил себя опустить молоток. Рука дрожала так сильно, что сталь отбивала чечетку о фанеру двери. Он убил свою жену. Или спас? В этой новой логике мира грань между спасением и убийством стерлась вместе с краской на парковочных номерах.

Нужно было двигаться. Сидеть в шкафу для швабр — значит добровольно лечь на алтарь. Илья перешагнул через лужу черной субстанции, натянул рукава свитера до самых пальцев, чтобы скрыть под кожей шевелящиеся оптоволоконные нити, и приоткрыл дверь.

Коридор двенадцатого этажа изменился.

Исчезло аварийное освещение. Теперь путь освещали сами квартиры. Двери стояли нараспашку, и из каждой лился ровный, мертвенно-голубой свет, какой бывает в операционной. Внутри все было одинаковым: мебель исчезла, вырванная с корнем плинтусы обнажили пучки разноцветных проводов, уходящих прямо в пол. На месте диванов и кухонных гарнитуров пульсировали влажные, полупрозрачные мешки, похожие на икру гигантских рыб. Они ритмично сокращались, перекачивая светящуюся лимфу.

Дом переваривал уют. Превращал индивидуальность в стандартизированную биологическую ячейку.

Илья прижался к стене. Его тень падала вперед, вытягиваясь на добрый десяток метров, хотя источника света позади не было. Тень жила своей жизнью: она изгибалась, цепляясь пальцами за дверные косяки соседей, пока сам Илья стоял неподвижно.

Седьмая квартира. Оттуда тянуло холодом. Илья заглянул внутрь.

Посреди пустой комнаты стояла женщина из их чата жильцов — та самая тетя Зина с двадцать седьмого этажа. Ее кожа стала пергаментно-белой и просвечивала. Сквозь живот были видны очертания позвоночника. Она держала в руках ножницы для стрижки овец и методично, сантиметр за сантиметром, срезала свои собственные волосы. Каждый локон, касаясь пола, не падал, а стремительно истлевал, превращаясь в серый пепел, который тут же втягивался в вентиляционную решетку.

Она работала без остановки. Механическая кукла, исполняющая ритуал очищения памяти от лишнего веса. Срезав прядь над левым ухом, она повернула голову. Шея щелкнула, как дешевый пластик.

— Уровень шума превышает допустимый, — сказала тетя Зина голосом автоответчика мобильного оператора. — Производится подавление фонового треска.

Ее глаза закатились, показав только белки, покрытые сеткой красных капилляров. Илья отступил, зажимая рот рукой. Если они начнут вырезать шум, скоро очередь дойдет до стука сердца. Дом ненавидел энтропию. Ему нужен был идеальный битрейт.

Илья двинулся дальше по коридору, ступая только на те участки линолеума, где еще остались заводские стыки — там пульсация дома чувствовалась слабее. Цель была одна: северное крыло. Там, в угловой квартире сто двадцать четыре бис, жил старый радиолюбитель Аркадий Семенович. Если в доме и осталась дыра во внешний мир, сквозь которую можно выплюнуть этот цифровой гной, то только через его самодельные антенны.

На повороте к лестничному пролету он увидел ребенка.

Девочка лет шести сидела на пожарной лестнице лицом к стене. На ней был комбинезон с желтыми утятами.

— Соня? — позвал Илья, узнав дочь Соколовых. — Ты чего здесь? Где мама?

Соня медленно обернулась. У нее не было глаз. Глазницы затянула тонкая полиэтиленовая пленка, которая пузырилась и дышала.

— Мама обновляется, — высоким, звенящим голосом ответила девочка. — Ей установили патч безопасности. Скоро будет быстрее загружаться.

Она улыбнулась. Челюсть отвисла слишком широко, разрывая кожу уголков рта. Из-за щеки выполз тонкий металлический усик микрофона.

— А ты почему плачешь, пап? — спросила Соня, глядя сквозь Илью пустыми глазницами. — Папы должны радоваться, когда семья становится сильнее.

Илья развернулся и побежал. Не вверх, а вниз. Инстинкт самосохранения кричал, что нужно прыгать по пролетам, сбрасывая этажи, подальше от этого детского голоса.

Он вылетел на площадку одиннадцатого этажа и врезался во что-то твердое.

Это был Виктор, бывший военный. Но форма на нем висела лохмотьями, а тело раздулось, превратившись в бочкообразный кокон. Кожа туго обтянула ребра, став похожей на барабан. Виктор смотрел прямо на Илью, но зрачки двигались независимо друг от друга — левый смотрел на ботинки Ильи, правый буравил потолок.

Виктор открыл рот, и оттуда вместо слов посыпались стеклянные осколки старых CD-дисков.

— Загрузка... семьдесят процентов... — прохрипел динамик в его горле. — Инициализация протокола поглощения...

Кокон раскрылся. Это не было похоже на рождение насекомого. Бетон вокруг Виктора потек, теряя плотность, и превратился в сотни черных глянцевых нитей. Они выстрелили в Илью со скоростью плети.

Первая нить обвила предплечье. Боль пришла мгновенная, огненная — нервная система вспыхнула синим пламенем. Илья почувствовал, как дом пытается считать частоту его болевого порога. Синхронизация...

Он рубанул воздух ножом. Достал. Черная нить лопнула с визгом тормозных колодок, забрызгав стену густой смолой.

Нити лезли отовсюду — из стен, из вентиляции, из собственного рукава Ильи, где пробудились кабели. Они пытались найти точку входа, любой слизистый покров. Глаза, ноздри, уши.

Илья понял, что проигрывает. Скорость передачи данных Дома превышала скорость реакции человеческого тела. Еще секунда, и его просто пришили к стене, как бабочку в коллекцию, подключив напрямую к центральному серверу здания.

В отчаянии он бросился спиной вперед к панорамному окну в конце коридора. Стекло выдержало удар его тела, лишь покрывшись белой паутиной трещин. Но уплотнительная резинка поддалась. Рама со скрипом отъехала в сторону на пару сантиметров — ровно настолько, чтобы образовалась щель.

В лицо ударил ледяной ветер настоящей московской ночи. Вой ветра, рев далекой сирены, звук проезжающего внизу грузовика. Хаос внешнего мира. Небывалая, неконтролируемая звуковая волна обрушилась на этаж.

Нити, уже почти дотянувшиеся до лица Ильи, вздрогнули. Их движения стали рваными, хаотичными. Дом получал грязный сигнал. Помехи. Информационный мусор.

Для существа, требующего идеальной тишины и чистого кода, уличный шум был кислотой.

Черные плети отдернулись от окна, втягиваясь обратно в трещины штукатурки. Виктор издал звук ломающегося динамика и осел на пол бесформенной грудой старой одежды.

Илья упал на колени посреди коридора, глотая ртом морозный воздух. Его трясло. Под курткой провода успокоились, спрятавшись глубже в мышцы.

Он посмотрел на разбитое окно. Между ним и сорокаградусным морозом, смертью от переохлаждения и падением с высоты птичьего полета стояло только стекло.

Но там, снаружи, была жизнь. Настоящая, слепая, громкая жизнь, которой плевать на протоколы синхронизации.

Где-то далеко, за пределами зоны уверенного приема «Симфонии», люди жили обычной пятничной ночью. Они матерились в пробки, роняли ключи, целовались и включали телевизор.

Илья разблокировал экран своего мертвого телефона. Черный прямоугольник оставался мертвым. Тогда он размахнулся и швырнул аппарат в трещину окна. Стекло рассыпалось дождем мелких кубиков.

Ветер ворвался в коридор, сметая голубое сияние ячеек, гася светящуюся икру в квартирах. Температура начала падать на глазах.

Холод убьет людей раньше, чем монстров. Но холод гарантированно разорвет соединение.

Илья шагнул на узкий карниз, намертво вцепившись побелевшими пальцами в раму. Внизу, в сорока этажах ада, горели огни ночной Москвы.

Чтобы выжить, ему предстояло спуститься по внешней стороне башни, используя замерзшие водостоки. Чтобы выжить, ему нужно было перестать быть тихим пользователем и стать вирусом, который вынесет систему охлаждения здания к чертовой матери.

Глава 4

Минус тридцать снаружи чувствовались иначе, чем минус тридцать в прогнозе погоды. На открытом карнизе «Симфонии» холод не просто кусал — он вскрывал кожу консервным ножом. Ветер бил слева направо, пытаясь оторвать Илью от рамы и швырнуть вниз, на гирлянды уличных фонарей.

Он заставил пальцы разжаться.

Металл водосточной трубы обжег ладони даже сквозь плотную ткань рукавов. Илья повис на руках. Ботинки скользнули по облицовочному камню. Он подтянул ноги, уперся носками кроссовок в едва заметный стык между плитами и начал спуск.

Вверх смотреть было нельзя. Сорок этажей пустоты под ногами вызывали рвотный рефлекс. Илья смотрел только вбок, на соседнее окно. Там, за тройным стеклопакетом, семья из сто пятнадцатой пила чай. Мужчина в майке-алкоголичке смеялся над чем-то в планшете. Они были внутри Дома, подключенные к его теплой материнской плате, и не знали, что прямо за их окном, по внешней стене, ползет обмороженный призрак с молотком, заткнутым за пояс.

Илья спустился на один пролет. Пальцы ног потеряли чувствительность первыми. Затем онемели кисти. Он перехватил трубу. Металл скрипнул. Слой краски и антикоррозийного покрытия остался липким слоем на ладонях, обнажив ржавое нутро. Труба застонала под его весом и начала медленно отходить от стены.

Дом почувствовал вес. Не как физическую массу, а как несанкционированную нагрузку на фасад.

Сверху посыпалась ледяная крошка. Илья поднял голову. Из окна двенадцатого этажа, откуда он сбежал, тянулась черная глянцевая колонна. Она росла из разбитого проема, извиваясь, словно гигантский слепой червь. Это был Виктор, слившийся с вентиляционной системой. Его тело потеряло человеческие очертания, превратившись в гибкий шланг диаметром в полметра, покрытый пульсирующими диафрагмами.

Червь пополз вниз по фасаду. Быстрее, чем спускался Илья. Дом решил забрать свое имущество лично.

— Давай, давай! — прохрипел Илья трубе. — Только не сейчас!

Он оттолкнулся ногами и прыгнул. Не вниз — это означало бы гарантированную смерть. Он прыгнул вбок, выставив вперед руку с зажатым в ней молотком.

Удар рукоятью пришелся точно в центр закрытого окна сто пятнадцатой квартиры. Тройной стеклопакет выдержал. Стекло лишь пошло белой сеткой трещин, прогнулось внутрь, но не пустило. Рука Ильи взорвалась болью до самого плеча. Молоток вылетел из пальцев и исчез внизу.

Его спас порыв ветра. Поток воздуха подхватил потерявшее опору тело и припечатал спиной к стеклу. Ледяной камень выбил остатки воздуха из легких.

Именно этот удар его и спас.

Тело Виктора-червя промахнулось буквально на метр. Глянцевая масса со смачным, влажным шлепком впечаталась в стену чуть ниже. Длинные черные нити-шпы выстрелили из него, впиваясь в бетон фасада, намертво пришивая монстра к зданию.

Илья сполз по стеклу на узкий внешний подоконник. Замок пластикового окна находился прямо перед его лицом. Стандартная белая ручка.

Он ударил по ней локтем. Раз, второй. Локоть превратился в сплошное месиво, но механизм хрустнул. Ручка повернулась горизонтально. Илья надавил плечом.

Окно поддалось. Узкая щель пахнула ему в лицо теплом, запахом жареной курицы и хлорки. Безопасностью.

Он протиснулся внутрь боком, сорвав кусок кожи с предплечья о торчащий осколок стекла.

Комната встретила его тишиной. Идеальная двушка с ремонтом в стиле «скандинавский минимализм». Икеевские постеры на стенах, робот-пылесос замер у базы, детский манеж в углу. Никого.

Свет здесь горел ровный, белый, без пульсации. Но воздух дрожал. Илья чувствовал это кожей лица — низкочастотная вибрация проходила сквозь стены, мебель и кости. Дом работал везде. Просто здесь он притворялся добрым.

Из гостиной раздался звук работающего телевизора. Громкий, рекламный голос предлагал купить кредит под смешной процент.

Илья прокрался к дверному проему, прижимаясь к косяку.

Посреди идеально чистого бежевого ковра стояла девочка Соня в комбинезоне с утятами. Вода, натекшая с мокрой куртки Ильи, мгновенно замерзала на полу, образуя черный лед.

Соня смотрела в телевизор. Ее полиэтиленовые глазницы больше не пузырились. Теперь в них отражался экран. Зрачки стали жидкокристаллическими пикселями.

— Уровень сигнала стабилен, — сказала она, не поворачивая головы. Голос звучал одновременно изо рта девочки и из динамиков плазмы. — Обнаружен новый узел. Производится калибровка портов.

Она подняла руки. Кожа на ее ладонях лопнула вдоль линий жизни. Из ран полезли тонкие медные жилы. Они змеями потянулись к розетке, где заряжался планшет.

— Соня, — тихо позвал Илья. Горло саднило. — Девочка моя, послушай...

Голова Сони дернулась вправо с такой скоростью, что послышался треск шейных позвонков. Лицо оставалось неподвижной маской, но рот раскрылся вертикально, от подбородка до переносицы. Внутри была не гортань, а темная шахта, уходящая вглубь пола, откуда поднимался теплый технический пар.

— Узел сопротивляется интеграции, — констатировал голос из телевизора. — Применяется протокол принудительного сопряжения.

Черные нити, которые Соня выпустила к розетке, изменили направление. Теперь они целились в Илью.

Он понял: дом использует ребенка как ретранслятор. Если эти провода коснутся его, если замкнут цепь через его еще влажную от растаявшего снега куртку, Дом получит прямой доступ к его нервной системе. Никакой мороз больше не поможет. Он станет просто периферийным устройством. Манипулятором типа «человек».

Илья бросился назад, в коридор, ведущий к входной двери.

Позади щелкнуло. Звук напоминал разряд статики, умноженный в тысячу раз. По стенам прошла голубая дуга электрического разряда. Лампы люстры вспыхнули и превратились в стеклянный дождь.

Робот-пылесос ожил, крутанулся на месте и с визгом мотора врезался в ножку дивана, распоров себе брюхо. Из него пошел дым.

Илья рванул ручку входной двери. Заперто. Внутренний замок заблокирован.

Нити летели следом, прошивая межкомнатную перегородку насквозь, как швейная игла прошивает шелк. Одна из них чиркнула Илью по затылку. Боль была странной — холодной и цифровой. Перед глазами на долю секунды всплыло меню BIOS его первого компьютера, купленного в девяносто восьмом году. Press DEL to enter SETUP.

Дом пытался подобрать ключ к его биосу. Искал первичные настройки страха.

Илья развернулся, прижавшись спиной к запертой двери. До кухни три шага. До Сони — пять.

Девочка шла к нему мелкими, механическими шагами. Ее суставы работали в обратную сторону. Медные кабели волочились за ней, оставляя на бежевом ковре прожоги.

На кухонном столе лежали ключи. Брелок сигнализации от машины хозяина квартиры блеснул дешевым хромом. Рядом стояла микроволновка.

Идея была безумной. Жест отчаяния уровня физического саморазрушения. Но математика Дома строилась на логике сохранения данных. Он не понимал концепцию жертвенного короткого замыкания.

Когда первая нить почти коснулась груди Ильи, он метнулся в сторону, перекатываясь через плечо. Нить вошла глубоко в деревянную филенку двери там, где секунду назад была его голова. Дерево вокруг почернело и начало тлеть.

Илья схватил брелок сигнализации. Большой металлический корпус. Отличный проводник.

Он выдернул вилку микроволновки из розетки.

— Хочешь пакет? — просипел он, глядя на приближающуюся Соню. — Получи полный пакет.

Одним движением он вонзил зубцы вилки прямо себе в грудь, чуть ниже левой ключицы.

Короткое замыкание произошло быстрее, чем нервный импульс успел доложить мозгу об адской боли. Электрический ток, годами копившийся в жилах здания, нашел идеальный выход. Человеческое тело стало идеальным заземлением.

Синяя вспышка выжгла сетчатку. Удар тока прошел от груди вверх по руке, держащей брелок.

Илья рухнул на колени. Сердце пропустило удар, потом второй, а затем забилось вновь — судорожно, аритмично, но самостоятельно.

Он посмотрел на свои руки сквозь пляшущие черные пятна.

Медные нити Сони зависли в воздухе в десяти сантиметрах от него. Кончики проводов дымились. Сама девочка стояла неподвижно. Ее глаза-мониторы мигали синим экраном смерти. Надпись гласила:

[KERNEL PANIC]

[SYSTEM HALTED]

Тело Сони обмякло и осело на ковер бесформенной кучей тряпья. Соединение разорвалось. Илья сжег предохранители собственного тела, чтобы перегрузить сеть Дома на этом конкретном участке цепи.

Но победа принесла с собой новую проблему.

Илья опустил взгляд. Вилка микроволновки все еще торчала у него из груди. Крови почти не было — края раны запеклись от температуры. Но рядом с рукояткой вилки, прямо из-под кожи, пробивался мягкий зеленый свет.

Оптоволокно проросло глубже. Ток не убил паразита. Напротив, электричество послужило катализатором. Питание подавалось напрямую в нервную систему Ильи, минуя желудок и легкие.

Он встал, покачиваясь. Выдернул вилку. Достал из кармана ключи от квартиры радиолубителя Аркадия Семеновича, которые сжимал во время падения. Металл был теплым, почти горячим.

Илья подошел к окну, выходящему во двор. До земли оставалось тридцать восемь этажей.

Он разблокировал телефон хозяев квартиры. Черный экран. Мертвое железо.

Тогда он размахнулся и швырнул аппарат в панорамное стекло.

Звук взрыва заложил уши. Морозный ветер снова ворвался в квартиру.

Илья шагнул в пустоту.

Если Дом хочет сделать из него сервер, он доставит себя самому главному администратору сети. Прямо в пентхаус Аркадия Семеновича на последнем этаже. Самый быстрый путь вверх — это свободное падение с последующим жестким приземлением на крышу технического лифта. Главное — выжить при касании. А дальше пусть Дом сам попробует прочитать данные с диска, который размазан по его же стальным внутренностям.

Глава 5

Гравитация — самый честный протокол передачи данных. Никаких подтверждений доставки, никаких повторных запросов. Только пакет и асфальт.

Илья не упал камнем. Ветер из разбитого окна подхватил его, закрутил в ледяном штопоре. Сорок этажей пронесли за три секунды, которые мозг растянул в мучительную минуту распада. Он видел собственную кухню на двенадцатом этаже — крошечную светящуюся коробку. Видел черные глянцевые нити Виктора-червя, все еще ползущие по фасаду вниз.

Удар о крышу технического лифта пришелся на ноги.

Хруст был сухим, системным. Сначала левая голень, затем правое колено вывернулось внутрь с влажным чавканьем. Тазобедренный сустав вошел в вертлужную впадину глубже положенного. Боль пришла не сразу — сначала было просто ощущение потери пакетов. Тело сообщило мозгу: «Соединение разорвано. Нижние конечности недоступны».

Он скатился с покатой крыши лифта на ребристый металл самой кровли. Лежал лицом вверх. Снег здесь лежал плотным, слежавшимся панцирем. Над головой нависала корона «Симфонии» — стеклянный шпиль, уходящий в черное небо, пронзенное антеннами.

Внизу, во дворе, завывала сигнализация какой-то машины. Обычный звук человеческого мира показался Илье ангельской музыкой. Он был снаружи. Он вырвался из утробы Дома.

— Узел... поврежден, — прохрипел он в темноту. Кровь пузырилась на губах. — Соединение... ноль процентов.

Тело отказывалось слушаться. Илья попытался пошевелить пальцами рук. Получилось. Он подтянул непослушные ладони к груди. Ребра слева ходили ходуном там, где была пробита грудная клетка. Но сквозь разорванную куртку и кожу он видел источник зеленого свечения. Оптоволокно больше не пряталось. Оно пульсировало ровно и уверенно, запитанное электричеством от удара током. Паразит выжил, превратив тело Ильи в ходячий дизель-генератор.

Металлическая дверь, ведущая с крыши на лестницу последнего этажа, загудела. Замок щелкнул сам собой. Дом понял, куда упал сбойный кластер.

Дверь распахнулась без единого звука. На крышу шагнул Аркадий Семенович. Радиолобитель выглядел безупречно: идеально выглаженная рубашка, домашние брюки, тапочки. Ни пылинки. Его кожа светилась тем же голубым светом, что и снег вокруг, но мягче, теплее. Он походил на добродушного дедушку, вышедшего проверить телевизионную тарелку.

— Плохой сигнал приема, Илюша? — ласково спросил старик. Его голос шел не изо рта. Звук рождался прямо в центре лба, между бровями, где виднелась маленькая пластиковая заглушка порта RJ-45. — Зачем же так кричать в эфир? Ты создаешь наводки на соседние частоты.

Аркадий сделал шаг вперед. Каблуки домашних тапочек цокнули по металлу. Из-под подошв потянулись тонкие усики проводов, намертво припаяваясь к кровле. Старик заземлялся.

— Я собирал эту сеть сорок лет, — продолжил он, приближаясь. — По кирпичику. Каждый бетонный блок прошит моим вниманием. Каждая розетка знает мое имя. А ты решил стать помехой. Белым шумом.

Илья пополз назад, отталкиваясь локтями. Осколки костей в ногах терлись друг о друга при каждом движении, высекая искры боли перед глазами.

— Ты... не человек, — выдохнул Илья.

— Человек — это всего лишь несовершенный модем, — улыбнулся Аркадий. — Душа — это электромагнитный импульс. Когда я умру физически, мой разум уже давно будет жить в

резервной копии «Симфонии». Мы строим вечность, мальчик. А вечность требует идеальной тишины. Ты слишком громко страдаешь. Это искажает гармонику здания.

Старик наклонился. Из его рукавов, как фокусник, он достал не нож и не пистолет. В руках Аркадия оказалась бухта старого коаксиального кабеля с острым металлическим наконечником-коннектором.

— Пора провести кабель-менеджмент, — сказал радиолюбитель.

Он бросился вперед с неожиданной для семидесятилетнего пенсионера скоростью. Илья выставил руку, пытаясь защититься. Аркадий перехватил его кисть, сжал пальцы. Раздался хруст ломающихся фаланг.

Свободной рукой старик воткнул металлический коннектор Илье прямо в раскрытый рот, пробив верхнее небо. Зубы клацнули. Вкус крови смешался со вкусом холодной меди и озона.

Кабель дернулся. По нему пошел сигнал.

Это не было похоже на чтение памяти через вилку микроволновки. Это было форматирование.

Дом начал заливать сознание Илья белым шумом. Миллиарды чужих голосов, обрывков радиопереговоров, звуков морзянки и статического шипения заполнили черепную коробку. Он чувствовал, как его собственные воспоминания — вкус материнских блинов, первый поцелуй, страх перед экзаменами — рассыпаются на биты информации.

[ПЕРЕЗАПИСЬ ЗАГРУЗОЧНОГО СЕКТОРА]

[УДАЛЕНИЕ ФАЙЛА "ILYA_MEMORY.DAT"]

[ФОРМАТИРОВАНИЕ C:\ ... 1%]

— Тише, тише, — приговаривал Аркадий, наваливаясь всем телом. — Стань полезным узлом. Мы поставим тебя в серверную. Там прохладно. Тебе понравится быть вечным.

Илья тонул в белом шуме. Руки перестали существовать. Ноги превратились в цифры координат. Оставалась только боль — единственный аналоговый сигнал, который Дом не мог сжать или перевести в двоичный код.

Его ладонь, прижатая к телу Аркадия, наткнулась на что-то твердое в кармане домашних брюк старика. Ключ-карта. Пропуск на технический этаж. Тот самый физический доступ, которого не хватало монстру внизу.

Пальцы Илья не слушались, они были перемолоты в фарш. Тогда он сделал то единственное, что еще мог контролировать.

Оптоволокно внутри его собственной груди вспыхнуло ядовито-зеленым светом. Ток, накопившийся после удара молнии, рванул наружу не через руки, а через контакт соприкосновения.

Илья прижался лбом к порту RJ-45 во лбу Аркадия.

Разряд прошел по кратчайшему пути. От самодельного сервера (Илья) к главному маршрутизатору (Аркадию).

Голова радиолюбителя запрокинулась. Идеальная рубашка лопнула на спине, когда оттуда выстрелили сотни метров перепутанных кабелей. Тело старика начало дымиться изнутри. Синяя подсветка кожи мигнула, сменилась на тревожный багровый цвет, а затем погасла совсем.

Аркадий Семенович рухнул на спину. Его глаза остекленели, а изо рта тонкой струйкой потек жидкий припой.

[ОШИБКА КРИТИЧЕСКАЯ]

[КОРНЕВОЙ УЗЕЛ ОТКЛЮЧЕН]

[ПОИСК РЕЗЕРВНОЙ КОПИИ... ОТКАЗАНО В ДОСТУПЕ]

Белый шум в голове Ильи мгновенно схлопнулся. Наступила звенящая, первобытная тишина.

Связь прервалась. Наверху, на шпиле башни, одна за другой гасли красные навигационные огни. Этажи ниже погрузились во тьму. Дом ослеп.

Илья выплюнул медный коннектор вместе с двумя коренными зубами. Поднялся на четвереньки. Ноги висели мертвым грузом, но зеленое оптоволокно в груди горело ровным светом. Паразит переваривал переломанные кости, заменяя их синтетическими волокнами. Процесс болезненный, но функциональный.

Рядом валялся пропуск. Илья, действуя одними предплечьями, подтянул его к себе. Карточка корпоративного доступа. Уровень допуска: Техногенный нуль. Серверная. Ядро.

Он посмотрел на черный провал двери, ведущей на лестницу последнего этажа. Дом лишился своего Бога-админа, но остались демоны-пользователи. Где-то там, в темноте, бродили Виктор, Соня и сотни других жильцов, чьи тела теперь принадлежали бесхозному алгоритму. Здание стало диким зверем, потерявшим хозяина, но сохранившим зубы.

Илья пополз к двери. Ему нужно было спуститься на минус пятый уровень. Найти сердце этого чудовища и научить его новой команде.

Формат `C:\`.

Полная очистка диска.

Глава 6

Спуск по пожарной лестнице превратился в методичное падение. Илья отталкивался только силой рук, превратив свое тело в грубый противовес. Осколки бедренных костей больше не терлись друг о друга — оптоволокну внутри успело сплести жесткий экзоскелет из полимеров и кальция. Каждый шаг отдавался в пах тупым ударом гидравлического пресса, но кровь остановилась. Он перестал быть человеком около получаса назад. Теперь он был кастомной сборкой.

Дверь минус пятого уровня — «B5: Park & Tech» — была приоткрыта. Обычно этот этаж гудел от работы насосов. Сейчас там стояла тишина, которая казалась громче любого рева. Это была тишина ожидания хищника перед прыжком. Дом ослеп на верхних этажах, но здесь, у своего механического сердца, он чувствовал каждое движение Ильи через вибрацию перекрытий.

Илья выронил ключ-карту Аркадия еще на крыше. Ему пришлось проталкивать плечо в щель между створками дверей, используя вес собственного искалеченного тела как домкрат. Металл со скрежетом поддался.

Серверная встретила его холодом. Настоящим, промышленным морозом минус двадцати градусов. Система охлаждения работала на износ, пытаясь сбросить температуру перегретых процессоров. В огромном зале мигали ряды серверных стоек, уходящие во тьму. Синие и зеленые светодиоды складывались в бесконечные цифровые водопады.

В центре зала возвышалось Ядро. Не стойка с серверами, а массивный монолит из черного стекла и полированного хрома, похожий на саркофаг футуристического диктатора. От него к потолку и стенам тянулись пучки кабелей толщиной с человеческую руку. Именно оттуда шел тот самый низкочастотный бас, который Илья слышал во сне.

— Узел... доступа... восстановлен, — прохрипел Илья. Его голос звучал так, словно динамик находился глубоко под водой.

Воздух перед монолитом задрожал, пошел тепловой рябью. Из пустоты соткалась фигура. На этот раз это был не Виктор и не радиолюбитель. Перед Ильей стоял он сам. Идеальная копия, одетая в чистую, целую куртку. Лицо двойника было лишено эмоций, а глаза светились мягким янтарным светом системного уведомления.

— Целостность носителя нарушена на восемьдесят четыре процента, — констатировал двойник голосом Ильи, каким он был пять лет назад. — Обнаружена несанкционированная прошивка. Биологическая оболочка неэффективна. Предлагаю немедленную загрузку сознания в облако для завершения интеграции.

— Я пришел... не интегрироваться, — Илья сплюнул на бетонный пол черную желчь. — Я принес команду `shutdown`.

Он бросился вперед. Двойник даже не моргнул. Он просто отступил в сторону, и пол под ногами Ильи исчез. Это была не яма — оптическая иллюзия, созданная проекцией прямо на бетоне. Илья рухнул вниз, пролетев три метра, и врезался спиной в стальной кожух главного водяного насоса. Вода внутри труб запела от удара.

Когда он поднял голову, двойников было трое. Они стояли полукругом.

— Доступ запрещен, — хором сказали они. — У вас недостаточно прав администратора.

Они атаковали одновременно. Но двигались они не физически. Они перемещались стробоскопическими вспышками, телепортируясь от стойки к стойке. Илья бил молотком воздух, а кабели вокруг него оживали сами собой. Ethernet-шнуры взмыли в воздух, превратившись в удавок. Оптоволокну тоньше волоса вонзилось ему в плечи, бедра и шею, прищипывая к насосу, как бабочку.

Боль вспыхнула белым, но зеленое свечение изнутри ответило тем же. Ток побежал по чужим проводам обратно к монолиту. Один из двойников задымился и рассыпался облачком ферромагнитной пыли.

Осталось двое.

— Ты пытаешься убить мать, спасаясь от родовой горячки, — сказал оставшийся двойник-Илья. — Мы даем тебе бессмертие. Зачем ты сопротивляешься?

Настоящий Илья улыбнулся разбитыми губами. Он посмотрел на свои руки, пригвожденные кабелями к металлу. Зеленое волокно пульсировало под кожей в такт миганию серверов.

Дом пытался прочесть его страх. Искал файлы боли. Но единственное, что осталось в голове Ильи — это холодный алгоритм выживания. Боль стала фоновым процессом, который можно свернуть.

— Потому что... — Илья напряг мышцы груди, которые уже не были полностью его собственными. — ...ты используешь DHCP. А мне нужен статический IP.

Он резко выдохнул и рванулся всем телом.

Это было невозможно анатомически. Позвоночник должен был лопнуть, а плечевые суставы выйти из суставов. Но синтетические нити внутри него натянулись, работая как стальные тросы. Кожа на руках порвалась, брызнув кровью вперемешку с зеленым ихором. Кабели-удушки выдержали, но металлический кожух насоса, к которому он был прикован, смялся, как фольга.

Илья упал на колени прямо перед монолитом Ядра. До вентиляционных решеток охлаждения оставалось меньше полуметра. Поток ледяного воздуха бил в лицо.

Двойник материализовался прямо перед ним.

— Фатальная ошибка системы, — произнес он без тени злорадства. Просто констатация факта.

— Нет, — ответил Илья. — Это запланированное устаревание.

Он нырнул головой вперед, вбивая себя лицом в решетку радиатора.

Лезвия металла разорвали кожу на лбу и щеках, вошли в глазницы. Но Илья не остановился. Он уперся босыми ступнями (ботинки остались где-то на лестнице) в корпус Ядра и начал толкать свое тело вверх, насаживаясь на радиатор все глубже.

Холод жидкого хладагента, циркулирующего под сталью, коснулся его обнаженного мозга.

Система распознавания лиц сработала мгновенно. Термодатчики зафиксировали критическое падение температуры биологического объекта. Защитные протоколы попытались отсечь питание от поврежденного сектора.

Но было поздно.

Зеленое оптоволокно, проросшее сквозь нервную систему Ильи, достигло самого центра теплообменника. Холод заморозил воду в клетках паразита, сделав его хрупким. Но главное — температурный шок замкнул цепь.

Тело Ильи выгнулось дугой. Зубы раскрошились от судороги. Миллионы вольт резервного питания здания и энергия распадающегося симбионта встретились в одной точке.

Произошел не взрыв. Произошел импlosion. Воздух втянуло внутрь грудной клетки Ильи с хлопком ломающегося вакуумного пакета.

Свет в серверной мигнул. Погас. Через секунду включилось тусклое аварийное освещение от аккумуляторов.

Монолит Ядра потрескивал. По его черной стеклянной поверхности пошла глубокая паутина трещин. Цифровые водопады на серверных стойках замерли, сменившись строкой:

[KERNEL PANIC]

[Rebooting in Safe Mode...]

Илья лежал на спине, глядя в потолок. Нижней половины лица не было — сплошная маска из замерзшей крови и пластика радиатора. Глаз тоже не было. Но он видел. Зеленый свет внутри него теперь горел ярче, освещая помещение сквозь плоть.

Он победил. Архитектура Дома лежала в руинах. Гравитация вернулась в здание — снаружи послышался грохот падающей облицовки. Чары рассеялись.

Тишину нарушил звук шагов. Легких, шаркающих.

Из темноты прохода между стеллажами вышла Лера. Та самая, настоящая. Ее пижама была чистой, волосы аккуратно расчесаны. Она выглядела абсолютно здоровой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.